

ЦВЕТЫ СУРОВОГО КРАЯ

Из летописи Камчатского театра

Лето 1951 года театр проводил на Чукотке. Такие были гастроли.

...Мы у цели, подходим к бухте Провидения. Бывалый полярник рассказывает нам:

— Много лет назад у мыса Чукотского терпело бедствие парусное судно «Пlover». Штормовой шквал сорвал паруса и мачты. Ветер гнал беспомощное судно на грозные скалы, обесилевшие от борьбы с неумолимой стихией люди готовились ко всему... Но вдруг... Ветры и волны занесли «Пlover» в удобную бухту. С тех пор бухта стала называться бухтой Провидения, а косе, за которой зимовал «Пlover», дано было имя корабля, уютная гавань в бухте была названа именем жены капитана корабля Эммы.

Любопытная история. Или сказка?

...Наша «Азия», весьма комфортабельное судно, выбралась из сырой, серой пелены тумана и вошла в бухту Эмма, закатую в каменный мешок гор. Никакой растительности. Низкие облака опоясали сопки плотным кольцом. Серые осыпи камней, покрытые мохом. Нестройные острые зубья скал. Клинья нета-

ющих снегов по складкам гор.

Мы пришли сюда, чтобы дать спектакли для здешних жителей — чукчей, коряков, русских. Тогда Чукотский национальный округ еще входил в состав Камчатской области. Для многих наших зрителей это было первым знакомством с искусством театра вообще.

Два духовых оркестра гремели над бухтой. Масса народа на пирсе. Так встречали нас. Встречали театр.

Мы работали, забыв об усталости. О выходных не вспоминали. Если по тем или иным, не зависящим от артистов причинам вдруг выпадал свободный день, считали себя прогульщиками.

Играли по два спектакля в вечер. Случалось и по три спектакля в день, иногда с переездом в другой поселок. Не успевая даже пообедать. Актрисы помогали гримерам-парикмахерам и костюмерам. Доводилось играть в тесных душных помещениях и в больших холодных, где гуляют сквозняки. Но актеры не сетовали.

Однажды несколько молодых людей зашли к нам в актерское общежитие.

— Мы — с Дальней базы, — представились они. — Вчера были у вас на спектакле. Приехали домой, рассказали. И теперь приехали приглашать к себе. Правда, клуб наш маленький, да и зрителей немного, но придем все. Не откажите, соглашайтесь.

Ехать на Дальнюю базу было далеко. А потом еще надо было плыть через лагуну на вельботе. И идти пешком. Задумаешься.

— Если кому будет трудно идти, — сказали нам приглашавшие, — мы на руках понесем. Возьмем ребят покрепче, а то и на носилках. Не стесняйтесь, для нас это пустяки. Уж очень хочется, чтобы спектакль посмотрели все наши.

В КРАЯХ, где на обочинах дороги до августа лежит снег, нам подносили букеты по-

левых цветов. Их собрали в далекой тундре, что спряталась за остроугольным нагромождением каменных осыпей. Их принесли зрители.

В одном из селений, куда мы привезли один спектакль, нас просили показать еще один. Но уж очень мала была сцена. Если бы хоть на метр поглубже... Хозяева сокрушались, но сцену переделать не могли: не было леса.

— А если выдвинуть сцену вперед?

— Все равно леса нет. Начнем заавес переносить, бока придется разбирать, а они и так еле держатся, из обрезков собраны. Тронь — все рассыплется.

— Да нет, зеркало сцены переносить не пужно. Только бы немного увеличить просцениум и тогда, правда, с трудом, но разместимся.

На следующий день нас торжественно ввели в зрительный зал, где мы увидели добротный, хорошо подогнанный просцениум двухметровой ширины.

— Устраивает?

— Отлично. Где же лес взяли?

Просцениум был сделан из хороших досок.

— Пол в общежитии разобрал, — не без гордости за свою изобретательность ответили ребята.

— Пол?

— Ага, на один вечер. Завтра постелим пол на место, и никто в обиду не будет.

О ЧЕНЬ трогательные, памятные на всю жизнь были у нас встречи.

Первая. Отыграв «Потерянного сына» днем на одной из площадок, мы отправились со «Свадьбой Кречинского» на дружину. С нами ехал один из зрителей. Ему очень уж хотелось посмотреть другую пьесу. Обратный ночной 30-километровый путь не остановил его. После спектакля он двинулся в путь и утром был на работе.

Вторая. За час до начала спектакля мы увидели в уголке зрительного зала паренька, с

аппетитом уплетающего огромный бутерброд. Рядом с ним лежала котомка. Спектакль начался, а он так и остался в своем уголке.

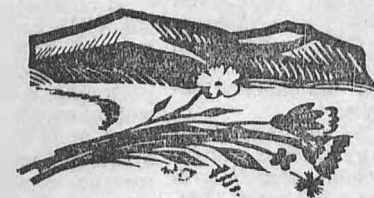
На другой день парень снова сидел в своем углу. Мы зантересовались им. Оказалось, что он ежедневно приходит из небольшого селения, которое находилось от поселка, где мы гастролировали, в семнадцать километров. Домой возвращался ночью.

Такое нельзя забыть.

Приятно играть в специальном здании, где все подчинено законам сцены. Но, пожалуй, не меньше радости, когда видишь, как счастливы люди, которые пришли в маленький сельский клуб или в приспособленное под зал помещение столовой, чтобы встретиться с искусством.

Радостно играть для этого пожилого мужчины, с лицом, изъеденным солнцем и ветром, для этой девушки-чукчанки, которая и на спектакле не может расстаться с книгой, для этой пожилой женщины с татуировкой на лице... Пересбросьтесь с ней несколькими фразами и вы поймете, что теперь это человек новой социалистической формации, видящая цветущее будущее родного края.

В завесе тумана, как на недодержанной фотопленке, вырисовываются знакомые контуры скал «Три брата», сторожащих вход в Петропавловск. На подходе туман оторвался от воды, и навстречу нам выплыл город, умытый дождем. После сурового Севера каким красавцем выглядит он! Здравствуй!

К. РОДИОНОВ, бывший артист Камчатского областного театра.

Д. ВАЙЛЬ.

НА СНИМКЕ: актриса театра П. М. Таванцева с чукотскими ребятами.

Из фотоархива **К. РОДИОНОВА**.